

Oliver Grotesk

Чё такой кислый?

Вера

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Oliver Grotesk

Чё такой кислый?

<https://litres.ru/74673852>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аннотация к книге «Чё такой кислый?»

Дима и его лучший друг Стас сидят вечером в баре и пьют пиво. Внезапно бармен предлагает им новинку — водку в красивой, тяжелой бутылке из тёмного стекла с дорогой этикеткой. Парни выпивают её, а дальше наступает темнота: они совершенно не помнят, как добрались до дома.

Утром Дима просыпается и идёт к холодильнику за любимой банкой пива. Но её там нет. На полке стоит та самая странная бутылка водки. Более того, весь привычный алкоголь в мире бесследно исчез — теперь существует только эта водка. И кажется, Дима — единственный, кто помнит, как всё было на самом деле...

Чё такой кислый?

Глава 1

Вечером Дима и Станислав пришли в бар. Внутри было накурено, пахло разлитым пивом и жареной едой. За соседними столами мужики громко спорили про футбол, кто-то стучал кружкой по дереву. Дима и Стас сели в углу.

Стас махнул рукой бармену:

— Слышь, командир. Принеси водки. Только нормальной какой-нибудь.

Бармен молча кивнул и ушел. Вернулся он быстро, но вместо обычного графина поставил на стол бутылку.

Она реально была красивой. Тяжелое, темное стекло, необычная форма — не то что стандартная магазинная чекушка. На ней была аккуратная, строгая этикетка, которая сразу выделялась на фоне липкого стола и обшарпанных стен бара. Бутылка выглядела дорого и непривычно для этого места.

Стас удивленно покрутил её в руках:

— Ого. Это чё за подгон? Мы за неё не переплатим?

— Берите, новинка, — буркнул бармен, расставляя стопки. — По цене обычной пойдет.

Бармен ушел. Они выпили по первой. Водка пошла на удивление мягко, почти без привкуса спирта, но в голову ударила моментально — по телу разлилось тяжелое, густое тепло.

Дима выдохнул, потянулся за закуской и махнул рукой:

— Да как сам... Работа эта задолбала уже, сил нет. Каждый день одно и то же, рожа уже от этих стен трещит.

Стас уверенно разлил по второй, глядя на красивую бутылку:

— Да ладно тебе, Димон, хорош приbedняться. Зато платит твой начальник нормально. Деньги есть, шмотки есть, хата не в подвале. Живи да радуйся, чё ты. Давай, за работу, чтоб она сдохла.

Они хлопнули еще по одной. Диалог потек сам собой, стопки наполнялись быстрее, чем обычно. Бар вокруг потихоньку превращался в размытое пятно. Дима помнил, как

они смеялись, помнил, как Стас спорил с барменом, а потом... потом в голове просто выключили свет.

Дима открыл глаза от того, что в лицо бил яркий дневной свет. Голова раскалывалась так, будто по ней стучали кувалдой. Он лежал на своем диване, прямо в одежде. Вокруг было тихо.

Дима сел, схватился за виски и попытался вспомнить, как он вообще сюда попал. Последнее, что осталось в памяти — это та самая темная красивая бутылка на липком столе бара и Стас, который что-то орал. Как они расплатились? Как он дошел до дома? Кто открыл дверь? Ни одного ответа.

«Сука... Ну и водка была, — подумал Дима, с трудом сглатывая сухую слюну. — Крепкая, блять, как спирт чистый. Вообще наглухо вырубило».

Дима посидел на диване еще пару минут, дожидаясь, пока перестанет плыть перед глазами. Во рту было сухо, как в пустыне. Он вспомнил, что входил в свои планы на утро — в холодильнике с прошлых выходных лежала баночка холодного пива. Едва переставляя ватные ноги, Дима побрел на кухню. Вера стояла у плиты и жарила яичницу.

Дима молча прошел мимо нее и распахнул дверцу холо-

дильника. Взгляд сразу зацепился за нижнюю полку. Банки не было. Вместо нее между кастрюлей с супом и банкой огурцов стояла она. Та самая бутылка из бара. Тяжелое, темное стекло, строгая бумажная этикетка с непонятным рисунком. На глянцевом боку поблескивали капли конденсата. Пробка была запечатана, словно ее никто и не открывал.

Дима замер.

— Вера, — хрипло позвал он. — Слышь. А где мое пиво? Из банки которое. И вообще... откуда ты взяла эту водку?

Вера перестала мешать яичницу. Она медленно повернулась к нему, держа в руке лопатку. Она смотрела на него с искренним недоумением.

— Что? — тихо спросила она. — Какое еще... пиво? Что это такое?

Дима раздраженно мотнул головой, отчего в затылке стрельнуло.

— Ну обычное пиво, в жестянке! Алкоголь, Вера. Светлое, с пеной. Я покупал позавчера, на нижней полке лежало. И зачем ты эту бутылку сюда притащила?

Вера нахмурилась и сделала шаг к нему, глядя на Диму как на сумасшедшего.

— Дим, ты какое-то странное слово придумал. Что за «пиво»? Я первый раз такое слышу. Ты вчера перебрал, что ли? Там же, в холодильнике, стоит твоя любимая водка. Ты сам ее всегда берешь.

Дима перевел взгляд с Веры на темную бутылку. Внутри все похолодело. Жена смотрела на него абсолютно серьезно. Она реально не понимала, о чем он говорит. Дима стоял посреди кухни и ничего не понимал.

Дима выскочил из кухни, вернулся в комнату и схватил с тумбочки телефон. Пальцы мелко дрожали, пока он листал список контактов. Нашел Стаса, нажал вызов. Трубку долго не брали, в динамике тупо шли гудки, от которых голова Димы взрывалась новой порцией боли.

Наконец на том конце раздался тяжелый, хриплый голос:

— Алё... Димон, бля, потише звони... Мозг сейчас вытечет.

Дима даже не стал здороваться. Он прижал трубку плотнее к уху.

— Стас, здорово. Слышь, ты помнишь вообще, как мы вчера домой вернулись? У меня в голове чистый лист после бара.

Стас на том конце тяжело вздохнул, послышался шорох одеяла.

— Да я сам, если честно, еле вспоминаю... Помню, вылезли из бара, на улице дождь херачит. Мы мокрые все. Кой-как такси поймали, прыгнули туда, да и разъехались. Меня самого до сих пор штормит, водка злая какая-то попалась.

Дима сглотнул сухую слюну. Значит, такси было. Дождь был. Бар был. Реальность сходилась.

— Слушай, Стас... — Дима перешел на полусшепот, косясь на дверь кухни. — Ты не мог бы сейчас ко мне заскочить? Сил нет. И по дороге... купи пива пару банок. Любого, холодного. Спаси меня, бро.

В трубке повисла долгая, тяжелая пауза. Дима слышал только чужое хриплое дыхание.

— Чё ты купить просил? — переспросил Стас с явным

недоумением. — Какого еще... пива? Димон, ты чё, до сих пор синий там?

У Димы внутри всё оборвалось.

— Стас, хорош шутить, мне хреново. Пиво, блять. В банках жестяных, ну! Мы же с тобой постоянно его берем!

— Слышь, Димон, ты меня пугаешь, — голос Стаса стал трезвее и серьезнее. — Какое еще пиво? Что это за херня вообще? Если тебе надо похмелиться, скажи прямо. Водка есть в магазине, я куплю и приду. Водка — это понятно. А ты какую-то дичь выдумал. Жди, короче, скоро буду.

Трубка разразилась короткими гудками. Дима медленно опустил руку с телефоном. Стас тоже не знал этого слова. Из памяти его лучшего друга стерлись все их совместные пьянки, если они не были связаны с водкой.

Прошло минут двадцать, не больше. Раздался резкий звонок в дверь. Дима дернулся, пошел в коридор и защелкал замком. На пороге стоял помятый Стас. Из-под куртки он достал и выставил вперед руку.

В руке была бутылка водки. Точно такая же, как вчера в баре — тяжелое темное стекло, строгая этикетка.

Дима отступил на шаг, тупо глядя на бутылку.

— Ты... ты где её взял? — тихо спросил он.

— Да в магазине за углом, где обычно, — Стас прошел в квартиру, скидывая ботинки. — Она там всегда на полках стоит, ты чё, ослеп? Пошли на кухню, а то меня до сих пор трясет, надо похмелиться.

Вера уже ушла с детьми в комнату, так что на кухне было тихо. Стас по-хозяйски достал из шкафа две рюмки, привычным движением скрутил пробку и разлил прозрачную жидкость. По кухне пронесся резкий, знакомый запах водки. Единственный запах алкоголя, который Дима знал всю жизнь.

Они сели. Дима смотрел на свою рюмку. Голова трещала, но страх и непонимание давили сильнее похмелья. Они чокнулись и выпили. Водка пошла легко, мгновенно обжигая горло и принося тупое, тяжелое облегчение.

Дима поставил рюмку, оперся локтями о стол и уставился на друга.

— Стас. Ну блядь. Ну вспомнил. Жестяная банка. Граду-

сов пять всего. Желтое такое, с пеной. Мы же его постоянно покупали! Ну не бывает так, чтобы человек взял и забыл!

Стас, который как раз потянулся за куском хлеба, замер. Он посмотрел на Диму долгим, усталым взглядом.

— Димон, хорош, а? Какая пена, какие пять градусов? Что за бред ты несешь? Алкоголь — это водка. Всё. Другого же не бывает и никогда не было. Что ты заладил со своим... как ты его там назвал? Пиво? Хватит херней страдать. Голова и так раскаляется, а ты мне мозги какой-то выдуманной херней лечишь. Наливай давай.

Стас снова взял бутылку и разлил по второй. Дима смотрел на него и чувствовал глухую стену. Спорить было бесполезно. Стас не шутил и не притворялся — для него водка была единственным существующим алкоголем на планете. А пиво для него было просто выдуманным словом.

Дима дико устал. Мозг отказывался переваривать эту чертовщину. «Ладно, — подумал он, глядя на рюмку. — Хрен с ним. С пивом этим я позже разберусь. Интернет перерою, поищу. А сейчас надо просто пару рюмок бахнуть, чтобы отпустило, и нормально поесть. Иначе сдохну прямо здесь».

Дима взял потеплевшую рюмку.

— Ладно, — буркнул он. — Забей. Давай еще по одной.

После второй рюмки Дима наконец наложил себе остывшей яичницы и принялся молча жевать. Водка сделала свое дело — голову немного отпустило, а дикий страх притупился, превратившись в глухую, давящую тревогу. Стас посидел еще минут пятнадцать, допил остатки из бутылки, пожаловался на жизнь и ушел к себе отсыпаться.

Вся оставшаяся часть дня прошла на удивление серо и обычно. Была суббота, на работу идти не надо. Вера привычно ворчала, дети шумели в комнате, по телевизору крутили какие-то унылые передачи. Дима несколько раз порывался взять телефон и вбить в поиск слово «пиво», но каждый раз останавливал себя. Ему было банально страшно увидеть на экране надпись: «Результатов не найдено». Он подсознательно надеялся, что вчерашнее и сегодняшнее утро — это просто затянувшийся жесткий глюк после перепоя. Ему нужно было проверить всё лично. Дождаться вечера и пойти туда, где алкоголь льется рекой.

Когда стемнело, Дима снова созвонился со Стасом. Тот уже оклемался и был не против продолжить. Дима оделся и вышел на улицу с четкой целью: он докажет Стасу свою правоту. Он найдет это чертово пиво, ткнет в него пальцем

и посмотрит другу в глаза.

Они встретились у метро и пошли к бару, в котором сидели вчера. Дима всю дорогу молчал, настраиваясь на разговор с барменом. Они свернули в знакомый переулок. Дима поднял глаза на вывеску и замер как вкопанный. Вчера он не обратил внимания на название — в голове было слишком темно и паршиво. Но сейчас неоновые буквы горели ярко и отчетливо. На вывеске светилось: «БАРОДКА».

Дима несколько раз моргнул, но надпись не изменилась. Не «Бар», не паб, а именно «Бародка».

— Ну, чё встал? Пошли, — Стас толкнул плечом тяжелую деревянную дверь и зашел внутрь.

Дима пошел за ним, чувствуя, как сердце начинает бешено колотиться в груди. Внутри всё выглядело так же, как вчера: полумрак, деревянные столы, те же мужики. Но теперь Дима смотрел на всё другими глазами.

Они сели за стойку. Дима сразу повернулся к бармену — сегодня за кранами стоял другой парень, помоложе. За спиной бармена на стене ровным рядом стояли огромные деревянные бочки с краниками, из которых обычно наливали разливное пиво.

Дима перегнулся через стойку и громко, чтобы перекрыть гул, спросил:

— Слышь, друг. Налей мне... пива. Из бочки. Любого. Ну, светлого там или нефильтрованного.

Бармен на секунду завис, глядя на Диму с вежливой улыбкой.

— Чего налить, простите? Наверное, шутка какая-то?

— Да какое пиво, Дим, опять ты за свое! — раздраженно прикрикнул сбоку Стас. — Хватит людей пугать.

— Да подожди ты, Стас! — Дима аж вспотел от напряжения. Он снова уставился на бармена. — Ну алкоголь такой! Желтый, с пеной, легкий! Из бочек что у вас наливают?!

Бармен понимающе усмехнулся и похлопал ладонью по ближайшей дубовой бочке.

— А, вы в этом смысле! Из бочек у нас идет разливная водка, мужчина. Есть пшеничная, есть ржаная, есть на кедровых орехах. Крепость стандартная, сорок градусов. Другого алкоголя у нас не бывает. Мы же в «Бародке» находимся.

Вам какую повторить — вчерашнюю, в темной бутылке, или из бочки попробуете?

Дима медленно опустил руки и сел обратно на стул. Он перевел взгляд на огромные бочки, потом на Стаса, потом на вывеску над баром. На кранах, из которых в его памяти должно было литься холодное пенное пиво, висели аккуратные ценники: «Водка Разливная. 40%». Мир не просто изменился. Он был таким всегда.

Глава 2

Дима стоял у стойки «Бародки» и чувствовал, как земля медленно уходит у него из-под ног. Вокруг смеялись люди, бармен привычно протирал краны, из которых хлестала разливная сорокоградусная жидкость, а Стас уже тянулся к принесенным стопкам. Дима понял: спорить бесполезно. Никакого пива не будет. Ни здесь, ни в магазине за углом, ни во всем этом чертовом мире.

Прошло две недели.

За эти четырнадцать дней Дима резко, разом постарел. Поэзия и смысл его прежних мыслей очерствели, тупо коротали дни недели, превращаясь в один бесконечный конвейер. Именно в эти дни он наконец по-настоящему понял, как

взрослеют дети — тихо, незаметно, пока их родители заняты выживанием. Дима отчетливо осознал, что потерял кое-что критически важное на этом свете. Какую-то тонкую, цветную нить, которая делала мир живым и разнообразным.

Он остался единственным человеком на всей планете, кто помнил, что когда-то существовало пиво, пенилось в бокалах вино и было множество другого, разного алкоголя, а не только эта бесконечная, прозрачная, ледяная водка.

Надо было как-то жить дальше. Дима понял: пора ломать себя и привыкать к серым будням.

Он перестал спорить с Верой. Начал упорно, до хруста в суставах, работать. Всё, что удавалось заработать сверху, он больше не тратил на ерунду — откладывал, прятал, копил каждую копейку для детей. Ради Вовки и маленькой Нади. Словно пытался защитить их от этой безвкусной, стерильной реальности, в которой им предстоит вырасти.

Но пить он не бросил. Они со Стасом так же встречались по вечерам на кухне или в баре. И каждый раз, когда Дима опрокидывал в себя очередную рюмку, перед ним разворачивалось тяжелое, удушающее представление — ощущение абсолютного, космического одиночества без того самого, прежнего, родного алкоголя.

Дима сидел, глядя на Стаса сквозь прозрачное стекло, а внутри была пустота. Словно кто-то очень близкий умер. Или умерла какая-то важная часть его самого, оставив вместо себя лишь привкус сорокаградусного спирта на губах.

Летом Дима все-таки вывез семью в отпуск. К ним присоединился и Стас — одному ехать было скучно, да и веселее вместе. Место выбрали шикарное: далеко за городом, где зеленые луга упирались в крутые, величественные скалы. Воздух здесь был чистым, пахло нагретой на солнце травой. Настоящая глушь, где можно было хоть ненадолго забыть про серые городские будни.

Они приехали, заглушили мотор и начали обустривать лагерь. Стас вместе с Вовкой потащил из машины мангал, Вера раскладывала на расстеленном покрывале овощи и хлеб. Надя бегала вокруг, пытаясь поймать какую-то бабочку.

Дима занимался мясом. На секунду ему стало так хорошо и спокойно, что он лучезарно, искренне улыбнулся. Настроение поднялось. Он на автомате пошел к машине, откинул крышку багажника и протянул руку в угол — туда, где в его прошлой памяти всегда лежала упаковка холодного, освежающего летнего пива. Чтобы открыть его прямо сейчас, сде-

лать глоток и почувствовать этот кайф у костра.

Пальцы наткнулись на пластиковую упаковку. Дима опустил взгляд и замер. Улыбка моментально сползла с его лица. Он вспомнил. Вспомнил, что этого больше нет в его жизни. Пива не существовало.

В багажнике аккуратно рядом стояли коробки с детским соком и она — та самая тяжелая бутылка водки из темного стекла со строгой этикеткой. Стас купил её в дорогу. Водка на жаре, у скал, на семейном пикнике. Другого выбора мир ему не оставил.

Диму будто обухом по голове ударили. Радость испарилась, уступив место привычной глухой тоске. Он закрыл багажник. Повезло, что хоть сигареты в этом мире остались прежними и никуда не делись. Дима достал пачку, щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся, глядя на колышущуюся траву. В голове крутилась только одна горькая мысль: «Как же раньше было лучше... Господи, как же было лучше».

Дым выходил изо рта серой струей, улетаая к скалам. Дима посмотрел на детей. Вовка и Надя весело возились у мангала, подкидывая Стасу сухие веточки. Они были счастливы. Они не знали другой жизни.

Дима бросил окурок, растер его ботинком и пошел к ним. На полпути он силой заставил мышцы лица расслабиться, натянул фальшивую, пластиковую улыбку и снова притворился нормальным отцом, у которого всё хорошо.

— Ну что, дети? Нравится шашлык? — спросил он, присаживаясь перед ними на корточки. — Давайте сейчас поедим, а потом, как стемнеет, можно пойти в горы и посмотреть на звезды. Отсюда их круто видно.

Дети моментально переглянулись, их глаза загорелись.

— Да, пап! Пойдем! — хором закричали Вовка и Надя, обрадовавшись предложению.

Дима продолжал фальшиво улыбаться, глядя на их радостные лица, а внутри него словно ворочался холодный, тяжелый камень.

Вечер наступил быстро. Как и обещали, они всей толпой — Дима, Вера, дети и Стас — полезли чуть выше в горы. Было уже совсем темно. Небо над головой казалось черным бархатом, на котором ярко высыпали миллиарды крупных звезд, а сбоку висел бледный диск Луны.

Дима стоял, обняв детей за плечи. В этот момент, глядя на

космос над головой, фальшь куда-то ушла. Он посмотрел на притихших Вовку и Надю, потом на уставшую Веру и тихо, но искренне сказал:

— Я люблю вас. Очень люблю.

Они улыбнулись в ответ. Но в эту же секунду Дима повернул голову и заметил странность.

Чуть в стороне, метрах в двадцати от них, начинался густой ночной лес. Вот только деревья там стояли как-то слишком идеально, неподвижно. Ни один листик не колыхался, хотя с гор дул ощутимый сквозняк. Присмотревшись, Дима похолодел. На стыке темноты и деревьев шла ровная, едва заметная вертикальная складка. Лес выглядел... как нарисованный. Будто это был огромный, наглый плакат, натянутый прямо посреди гор.

— Димон, ты куда? — окликнул его Стас, но Дима уже не слушал.

Он подошел вплотную к этой стене из деревьев. Протянул руку. Пальцы уперлись во что-то плотное, гладкое и холодное. Дима подцепил край этого безумного плаката ногтями и с силой рванул в сторону, переворачивая его.

То, что он увидел, заставило его замереть в глубочайшем изумлении.

С его стороны, где стояла семья, царила глухая, черная ночь. Но прямо за перевернутым плакатом, всего в одном шаге, полыхал яркий, ослепительный День! Там светило настоящее солнце, зеленела совершенно другая трава, и мир жил своей жизнью.

Дима обернулся. Вера, Стас и дети стояли в темноте. Они тупо смотрели в его сторону, но абсолютно ничего не видели.

— Дима, ты чего там в темноте застрял? Вернись к нам, упадешь еще! — крикнула Вера.

Но Дима уже не мог вернуться. Какая-то неведомая сила тянула его вперед. Он сделал шаг, переступая невидимую границу, и зажмурился от ударившего в глаза солнечного света. Назад пути не было. Мир за его спиной схлопнулся.

Дима пошел вперед по этой светлой, незнакомой стороне. Он шел долго, как в тумане, пока пейзаж вокруг не начал стремительно меняться, превращаясь в знакомые серые многоэтажки. Сам не понимая как, он оказался у двери собственной квартиры. Дима толкнул её и вошел внутрь.

В коридор тут же выскочила Вера с грязной половой тряпкой в руках. Лицо у нее было злое, раздраженное — обычное, родное лицо.

— Ну что, скотина? Вернулся таки?! — с порога заорала она, размахивая тряпкой. — Где шлялся всю ночь? Опять с похмелья где-то валялся? Телефоны для кого придумали?!

Дима стоял посреди прихожей, получал заслуженных нагоняев, но на его лице медленно расплзалась безумная, счастливая улыбка. На тумбочке в коридоре лежал его телефон. Чуть позже пришел Стас — обычный Стас, помятый, но живой. И в руках у него были жестяные банки с холодным, пенным, настоящим пивом. Они открыли их с глухим щелчком и начали пить.

Дима сидел на своей кухне, делал жадные глотки и наконец-то чувствовал себя дома. Всё вернулось на свои места. Но в глубине его мозга, сквозь алкогольное облегчение, стучала одна жуткая, леденящая мысль. Что это, блять, было? Что за мир без пива он видел? И где на самом деле Дима находился всё это время, пока его семья ждала его дома?

Глава 3

Дима так ничего и не понял. Он честно попытался вы-

кинуть этот бред из головы. Списать всё на белую горячку, на галлюцинации от палёного алкоголя, на жесткий нервный срыв из-за семейных проблем и вечной нехватки денег. В конце концов, человек — существо живучее, он ко всему привыкает. Дима решил просто жить как прежде. Забыть, забить и не думать.

Через пару дней они со Стасом снова пришли в тот самый бар. На этот раз Дима еще издалека внимательно посмотрел на вывеску. Обычные неоновые буквы. Обычное, привычное слово: «БАР». Никаких «Бародок».

Внутри всё тоже было ровно так, как нужно. Накурено, шумно, мужики орали, обсуждая футбол. На полках за спиной бармена стояли стандартные разномастные бутылки, а той самой — тяжелой, из темного стекла со строгой этикеткой — не было и в помине. Дима даже специально присмотрелся к витрине. Никакого следа. Обычное дефолтное пойло.

Стас привычно хлопнул ладонью по стойке и заказал две кружки светлого. Бармен повернулся к кранам, и в стеклянные бокалы с шумом полилось золотистое, прохладное пиво, поднимая густую белую пену.

Они сели за свой угловой столик. Дима сделал первый

жадный глоток. Родной, чуть горьковатый вкус. Всё было на своих местах. Мир восстановился. Стас что-то весело рассказывал, жестикулировал, пил из своей кружки и выглядел абсолютно счастливым. Дима смотрел на друга, кивал, улыбался в ответ, но внутри него... внутри него что-то упорно не отпускало.

Это грызущее, липкое чувство сидело где-то глубоко под ребрами, прямо в груди. Словно он ушел из кинотеатра за десять минут до конца фильма. Словно он оставил позади что-то очень важное и незавершенное. Дима пил пиво, но взгляд то и дело ложился на деревянную стену бара. Теперь он смотрел на любые стены с подозрением. Ему казалось, что если подойти поближе и поскрести ногтем эти старые обои, то под ними снова окажется ослепительный солнечный день, или наоборот — бесконечная, холодная пустота. Реальность вокруг казалась правильной. Но Дима больше не верил ей до конца.

Прошла ночь, но Дима так и не смог сомкнуть глаз. Чувство незавершенности душило его. Под утро он не выдержал, схватил телефон и набрал друга.

— Стас, врубай мозг, вставай, — хрипло закричал Дима в трубку. — Нам нужно поехать на те горы, где я тогда с семьей отдыхал. Помнишь, я рассказывал? Срочно. Прямо сейчас.

Стас на том конце провода матерился и откровенно не понимал, какого хрена надо переться в такую даль на рассвете. Вчера же нормально посидели в баре, попили обычного пива. Зачем ехать туда, где Дима устраивал пикник? Стас на тех горах вообще никогда в жизни не был. Но по дикому, сорванному голосу друга он понял — спорить бесполезно, Димона надо спасать.

Уже через пару часов они приехали к подножию. Стас ежился от утренней прохлады, плелся следом и крутил пальцем у виска:

— Димон, ну и зачем мы сюда приперлись? Я тут не был никогда. Трава, скалы. Ты совсем кукухой поехал после вчерашнего бара?

Дима ничего не отвечал. Он быстро поднялся к тому самому месту, где давным-давно вышел из плаката. Контраст никуда не делся. Дима подошел к невидимому шву в воздухе и снова перевернул край невидимой стены. Перед ним открылась та же глухая, черная ночь с огромными звездами и Луной, хотя вокруг всюду светило утреннее солнце.

Стас стоял чуть позади. Он тупо моргал и смотрел прямо туда, куда указывал Дима, но абсолютно ничего не видел.

Для него там был обычный воздух и скалы.

— Ну и чё? Ты на пустые камни мне предлагаешь смотреть? — буркнул Стас.

Но самое жуткое началось через секунду. Из этой невидимой для Стаса черной стороны тишину гор взорвали далекие, надрывные крики. Дима отчетливо слышал голоса Веры и детей.

— Дима! Дима, ты где?! Папа, вернись! — доносилось из пустоты. Голоса звучали так, будто Дима потерялся в лесу прямо сейчас, и его ищут уже несколько часов.

Диму прошиб холодный пот. Но тут он заметил, как Стас рядом вдруг испуганно дернулся и начал озираться по сторонам, хватаясь за похмельную голову:

— Димон... Ты слышал?! Это что, Вера орет? Откуда звук?! Тут же нет никого! Бля, место проклятое, погнали отсюда!

Дима понял: надо бежать. Стас, хоть и не знал этих мест и не видел плаката, голоса его семьи слышал и перепугался не меньше. Они бросились к машине и на бешеной скорости помчались обратно в город.

Когда Дима переступил порог своей квартиры, внутри стояла звенящая, мертвая тишина. На вешалке не было куртки Веры. Обувь детей тоже пропала. Квартира была пуста. Дима тяжело задышал, пытаясь успокоить колотящееся сердце. Стас топтался в коридоре, бледный и растерянный. «Ладно... Ладно, спокойно, — уговаривал себя Дима. — Она просто ушла в магазин с мелкими. Всё нормально».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.